

«ЖИВАЯ» ПЕДАГОГИКА ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА

Георгий Кирович ЗАЙЦЕВ,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики начального образования педагогического факультета Абхазского государственного университета, г. Сухум, Республика Абхазия

Анетта Сергеевна БГАНБА,

преподаватель кафедры теории и методики начального образования педагогического факультета Абхазского государственного университета, г. Сухум, Республика Абхазия
e-mail: valeeg@yandex.ru

Авторы исследуют зависимость судьбы человека от его воспитания. Материалом для социально-педагогического анализа послужила автобиографическая повесть классика абхазской и русской литературы Фазиль Искандера «Школьный вальс, или Энергия стыда». Для осуществления социально-педагогического анализа жизни героя повести авторы воспользовались потребностно-информационным (мотивационным) подходом к воспитанию, предложенным известным российским психофизиологом, академиком П.В. Симоновым, а также докторской диссертацией Ш.К. Царгуша, в которой история развития абхазской народной педагогики проанализирована с учётом «апсуара» (духовного наследия абхазского народа) и вышеназванной теории воспитания. Социально-педагогический анализ детского периода жизни героя повести показал, что для абхазов (как горского народа) мотивация сохранения и преумножения родовой чести является сильнейшей побудительной силой. И в случаях постыдного (тем более позорного) поведения кого-либо из членов рода, перед будущими поколениями семьи неминуемо встаёт задача восстановления родовой чести, достижения заслуженных почестей, а в более широком плане – сохранения и укрепления национальных традиций.

Ключевые слова: Фазиль Искандер, повесть «Школьный вальс, или Энергия стыда», детство, родовая честь, мотивация учения, социально-педагогический анализ, национальное воспитание.

FASIL ISKANDER'S "LIVING" PEDAGOGY

G. K. Zaytsev, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Department of theory and methodology of primary education, Abkhazian State University

A. S. Bganba, teacher of Department of theory and methodology of primary education, Abkhazian State University
e-mail: valeeg@yandex.ru

The authors study the dependence of human fate on one's upbringing. The material of the socio-pedagogical analysis is the autobiographic novel "School Waltz or the Energy of Shame" by Fasil Iskander, a classic of Abkhazian and Russian literature. The socio-pedagogical analysis of the character's life was performed using the needs information (motivational) approach to upbringing, offered by a famous Russian psychophysicist,

academician P.V. Simonov, as well as the material of the Sh.K. Tsargush's doctorate thesis, containing the analysis of the history of the development of Abkhazian national pedagogy with regard to "apsuar" (spiritual heritage of the Abkhazian people) and the abovementioned upbringing theory. The socio-pedagogical analysis of the novel character's childhood showed that for the Abkhazians (as mountain-dwellers) the motivation of preserving and enriching family honor is the strongest incentive. And in the cases of shameful (let alone dishonorable) behavior of a family member, the future generations of the family inevitably face the task of restoration of honor, of achievement of deserved honors, and in a broader sense – of preservation and enrichment of national traditions. This is the first (of the declared five) paper on F. Iskander's "living" pedagogy.

Key words: Fasil Iskander, "School Waltz or the Energy of Shame" novel, childhood, family honor, motivation to study, socio-pedagogical analysis, national upbringing.

Многие русские и советские писатели в своём творчестве касались социально-педагогической темы – воспитания и взросления человека. Сначала это был Л. Толстой с трилогией «Детство», «Отрочество», «Юность», после него – Н. Лесков, С. Аксаков, М. Горький, М. Зощенко и другие. И это не случайно. Все они, как патриоты и как люди с развитой творческой интуицией, хорошо понимали роль воспитания в судьбе человека. Не было исключением и выдающийся абхазо-русский писатель *Фазиль Искандер*, написавший автобиографическую повесть «Школьный вальс, или Энергия стыда», которая, по нашему мнению, давно должна была стать предметом специального социально[национально]-педагогического исследования по одной простой причине – в ней представлена «живая» педагогика [1]. В связи с этим скажем больше – «живая» педагогика, к сожалению, до сих пор не стала обязательным разделом в программах профессионального педагогического образования. Вот и «копается» будущий учитель в «мусоре» учебников по педагогике, в которых отсутствует жизнь реального человека и не показано главное – зависимость его судьбы от воспитания.

В данной статье (и последующих) мы постараемся показать, что историю своего взросления Фазиль Искандер выписал в точной связи с национальными традициями, особенностями воспитания и закономерностями психического развития человека.

Научная задача состояла в том, чтобы соотнести *педагогические события*, отражённые в повести, с потребностно-информационной (мотивационной) концепцией воспитания, предложенной академиком П. В. Симоновым [2], а также с докторской диссертацией Ш. К. Царгуша [3], в которой история развития абхазской народной педагогики проанализирована с учётом «апсуара» (духовного наследия абхазского народа) и вышеназванной теории воспитания. И на основании этого определить, кто и как занимался воспитанием *героя повести*, как это сказалось на его развитии, интересах, характере, поведении и, наконец, *судьбе*.

Социальный (а следовательно, и национальный) интерес к подобному исследованию очевиден: с его помощью можно понять, как в детско-юношеской период жизни в Абхазии формировалась личность писателя Фазили Искандера, ставшего в будущем литературным классиком.

Повесть написана от первого лица. Поэтому мы, выступая сторонними наблюдателями описываемых событий, будем называть главного персонажа то «автором», то «героем», то «мальчиком», то «учеником».

Автор начинает повесть словами: «Я пошёл в школу на год раньше, чем это было положено мне по возрасту, и дней на двадцать позже, чем это было положено по учебному календарю. Думаю, что в том и другом сказалось раненое честолюбие нашего семейства, требовавшее скорейшего возмездия за все неудачи нашей жизни» [1, с. 192]. Этот текст можно рассматривать в качестве эпиграфа к повести. Отметим три ключевых слова в тексте – «семейство», «честолюбие», «возмездие». В них заключены родовой подход к жизни, стремление к почестям (в том числе сохранению фамильной чести) и борение за справедливость – всё это, согласно *апсуара*, есть в национальном характере абхазов. В связи с этим важно сказать, что Фазиль Абдулович Искандер (*абхаз по матери*) жил и трудился согласно заветам предков – постоянно подтверждал кровную связь со своим народом, утверждал в творчестве приоритет справедливости и рос (и дорос) до всемирной известности.

Вернёмся к тексту, где автор говорит о «неудачах жизни». Эти «неудачи» (или, как он пишет, «простейшие формы фамильного невезения») сводились главным образом к плохой учёбе старшего брата, который «как-то сказочно, феерически плохо учился», а кроме того, «попадал в каждую историю, которая случалась в школе и её ближайших окрестностях» [1, с. 192]. Отметим, что автор не осуждал своего брата, более того, он отмечал, что тот обладал многими «скрытыми достоинствами». Что имел в виду автор, не известно. Возможно, какие-то положительные человеческие черты, например, доброту и честность, которые, как известно, вовсе не связаны с умственными способностями человека и его *учённостью*. А ведь *доброта* и *честность* являются лучшими чертами личности, которыми мало кто из людей характеризуется и которые, как ни странно, легче воспитываются (именно *воспитываются*, ибо научить им невозможно) у детей *соматического*, а не мыслительного типа.

Отметим, что о старшем брате автор много не распространяется, хотя по правилам семейного воспитания тот должен был помогать ему (младшему) легче расти и взрослеть [3]. Но этого, как видно, не было. Возможно, старший брат по рождению имел лёгкую форму умственной отсталости (возьмём на себя смелость это предположить) и поэтому был существом больше *биологическим*, нежели социальным. Дело в том, что лёгкая форма умственной отсталости (или дебильности) у детей в то время вряд ли определялась, и такие дети посещали школу наравне со всеми, где они, по простоте своей души, не приспособливались и не ловчили (как большинство!). И поэтому (как простаки!) вызывали насмешки у других (это в лучшем случае), а в худшем – становились изгоями. Здесь мы напишем фразу, которая прямо связана с дополнительным заголовком повести («Энергия стыда») и которая постоянно *читается* между авторских строк. Как же людям не стыдно быть злыми, лживыми и жадными! Как же людям не стыдно смеяться над слабыми и убогими!..

В качестве добавления отметим следующее. Всё, что есть в человеке, с одной стороны, генетически обусловлено (и за это несут ответственность его родители), а с другой стороны, воспитанно (за что также несут ответственность родители, а ещё школьные учителя и другие случайные взрослые). Вот и посмейтесь над этой истиной, а значит – и над собой!

Как известно, в любом автобиографическом повествовании автор, по понятным причинам, выделяет только тех людей и те события, которые повлияли на его

судьбу в положительном или отрицательном смысле. Это мы и наблюдаем в повести Фазиля Искандера. Одновременно мы видим, какое значение он придаёт *чести фамилии и родственным связям*, что особенно характерно для абхазской жизни [3].

Честь фамилии в психологическом плане – это переживание либо гордости за членов семьи, либо... стыда. Последнего (то есть стыда) в детской жизни автора было значительно больше (отсюда, повторимся, и второе название повести «Энергия стыда»). Именно накапливающийся *фамильный стыд*, как мы позже убедимся, и побудил его (младшего в роду) стать человеком, которым могли бы гордиться родители, другие родственники, а в конечном счёте – весь абхазский народ... и даже больше...

Но вернёмся к тексту...

Весь род переживал стыд за плохую учёбу старшего брата. Он не успевал по всем предметам, но особенно сильно доводил учителя немецкого языка (антифашиста, бежавшего из Германии). Брат (разумеется, с другими мальчишками) доводил учителя до того, что тот «в ближайшем окружении признавался, что хочет бросить всё и вернуться на родину, хотя целиком и полностью одобряет политику Советского Союза» [1, с. 192].

Стыд был основным переживанием в семье. Автор пишет: «Примерно раз в неделю учителя с выражением суховатой скорби горевестников на лице входили в наш двор <...> завидев учителя, соседи по дому, а иногда даже и по улице с каким-то тайным сладострастием спешили окликнуть маму: – Опять к тебе!» [1, с. 192]. И мать «обречённо приглашала учителя в дом», чтобы притихшие и *открывшие уши* соседи не слышали их разговора. Но иногда учитель шёл мимо к другому ученику, и тогда «мама, обрушиваясь на их (*соседей*. – Г. З., А. Б.) скоропалительные выводы, частично утоляла свою душу, жаждущую возмездия» [1, с. 192].

Другим объектом (а по нынешним понятиям – субъектом) фамильного стыда был один из родственников автора – дядя Самад, «опустившийся юрист, который на базаре из столика в кофейне устроил себе конторку для писания прошений крестьянам, и получавший за это гонорар в виде непосредственной выпивки» [1, с. 192].

Если дядя Самад задерживался, бабушка посылала племянника (нашего героя) за угол, «подежурить с тем, чтобы (*том*. – Г. З., А. Б.) не попал под машину или его не увлекли другие пьянчуги» [1, с. 192]. Но была и другая причина: возможно, так бабушка хотела выглядеть более приличной перед соседями. Она считала, что если дядюшка будет идти по улице не один, а с племянником, то меньше будет заметно его пьяное состояние, а главное – он «не будет казаться таким одиноким и опустившимся человеком» [1, с. 193].

В связи с этим надо сказать, что в традиционных абхазских семьях авторитет старшего по возрасту человека является непререкаемым [3]. Скорее всего, в роду автора полнотой власти обладала именно бабушка. Автор пишет, что «в своё время бабушка изгоняла несколько женщин, которых он (*имеется в виду Самад*. – Г. З., А. Б.) приводил домой в качестве жён, по-видимому, находя их в обозримых из кофейни окрестностях базара» [1, с. 193]. И возможно, бабушка чувствовала свою вину перед Самадом за его несложившуюся судьбу и пьянство. Поэтому

была к нему снисходительна, хотя его поведение позорило всю фамилию (пьянство считается большим позором у абхазов).

Далее автор пишет о своём отношении к дяде Самаду. Как и положено в абхазских семьях, он (ещё мальчик), несмотря ни на что, уважительно относился к дяде. И безропотно (даже с удовольствием) шёл по указанию бабушки его встречать. Тем более что тот почти всегда давал ему конфет и денег – «жалкие остатки своего дневного заработка». При этом дядя говорил: «Тот, кто был богат и обнищал, ещё тридцать лет чувствует себя богатым. Тот, кто был нищим и разбогател, ещё тридцать лет чувствует себя нищим» [1, с. 193]. Как понимал эту мысль автор, будучи маленьким мальчиком, не известно. Но нам прокомментировать её смысл будет полезно. Действительно, психика человека очень консервативна. Почему? Потому что *ядром* психики (по П. В. Симонову [2]) являются, прежде всего, мотивы и смыслы, формирование которых, как известно, происходит в процессе воспитания, а значит, медленно и долго. Поэтому и перестраиваться (даже в лучшую сторону) психика человека не торопится.

Далее автор много рассказывает о поведении своего дядюшки Самада (честного, неглупого, образованного и достаточно начитанного человека, который, однако, возможно – по слабости воли, не нашёл своего места в жизни). Автор рассказывает о его «реваншистском монологе», который он часто произносил в пьяном состоянии перед пустующей в вечернее время школой. О его разговорах с племянником и вопросах, которые он задавал, чтобы проверить его познания. О его продолжительных и систематических спорах с соседом – шапошником Самуилом, который считал себя также образованным человеком, так как имел несколько томов «Большой советской энциклопедии» и регулярно их перечитывал, и который задавал детям каверзные вопросы. Споры касались многих тем: например, исторических военных событий, но почему-то главным образом между Францией и Германией; самого большого города в мире Токио, в котором обязательно должна совершиться революция; новой экономической политики, или *нэпа* (развитию этой темы почему-то всегда препятствовала бабушка, для этого она нередко привлекала физически более крепкого «сумасшедшего дядю Колю»). Вероятно, тематика разговоров была бы более широкой, будь у соседа Самуила все тома «Большой советской энциклопедии».

Иногда дядюшка Самад говорил соседу Самуилу: «Нельзя отречься от нации»... И тогда между ними возникал продолжительный спор о «караимах». Самуил выдавал себя за «караима» (*народ, живущий малыми группами в Крыму. – Г. З., А. Б.*), а дядюшка считал его крымским евреем (наверное, по жене, которая была еврейкой).

Племянник поддерживал все разговоры дядюшки. Но иногда тот его «раздражал совершенно непонятным, бессмысленным бормотаньем». И здесь автор отмечает, что, будучи совсем ещё ребёнком, он впервые почувствовал важность ясного мышления и «полюбил ясность и чёткость образа мыслей». Возможно, именно тогда в нём стало созревать стремление самому начать писать, а не только вслушиваться в умные мысли других людей. В связи с этим важным представляется следующий тезис автора (уже вполне зрелого литератора): «Люди, не стремящиеся к ясности мышления, разумеется, в данных им скромных пределах или тем более стремящиеся к туманности, могут рассматриваться как генетически

повреждённые, увеличивающие мировой хаос, вместо того, чтобы уменьшать его, что является прямой обязанностью каждого человека» [1, с. 193].

Но можно ли было ожидать *ясности мышления* от людей, живущих вдали от больших городов и торговых путей, лишённых разнообразия литературных источников (или, как сейчас принято говорить, информации)? Трудно, но можно. Доказательством последнего служит судьба самого писателя – Фазилия Искандера. За год до школы он уже умел хорошо (бегло) читать, прочитал с дюжину книг, начав сразу с «Гадкого утёнка» и «Рассказов о мировой войне», причём последняя книга «была самая толстая и самая интересная из прочитанных книг» [1, с. 198].

Возможно, кто-то из *педагогов* скажет, что, мол, у ребёнка была «жажда знаний». Мы же считаем, что такой *жажды* у человека, тем более у ребёнка, быть не может! У ребёнка (согласно концепции П. В. Симонова [2]) доминирует биологическая потребность в саморазвитии, составными частями которой являются две другие – потребность в подражании и потребность в игре. Соответственно, можно считать, что сказка «Гадкий утёнок» могла послужить для мальчика материалом для подражания: как из *гадкого* превратиться в *привлекательного*, из *неприметного* – в *прославленного*...

Вторая книга (абсолютно социальная) могла помочь ребёнку удовлетворить свою потребность в игре (ведь мальчики любят *играть в войну*). Играл ли наш герой в войну у себя во дворе, мы не знаем (автор об этом не написал). Возможно, *война* происходила только в его воображении, где он, безусловно, был героем-победителем. Таким образом, две внимательно прочитанные книги и основательно *прожитые* темы могли, по нашему мнению, обеспечить главное – психическое (в том числе умственное) развитие мальчика и его интерес к слову (литературе).

Итак, в повести Фазиль Искандер описал жизнь своей семьи со всеми её социальными (а следовательно, и социально-педагогическими) проблемами, чтобы показать, что для абхазов (как горского народа) мотивация сохранения и преумножения родовой чести является сильнейшей побудительной силой. И в случаях постыдного (тем более позорного) поведения кого-либо из членов рода, перед будущими поколениями неминуемо встаёт задача восстановления родовой чести, достижения заслуженных почестей, а в более широком плане – сохранения и укрепления национальных традиций.

Автор с сожалением повествует о том, что в период своего детства он (как и многие в роду) переживал стыд за позорное поведение отдельных родственников (старшего брата – хронически неуспевающего ученика; дяди Самада – опустившегося человека, пьянчуги; «сумасшедшего» дяди Коли). Именно «фамильный стыд» стал той энергией, которая побудила мальчика (самого младшего в роду) стать на путь напряжённой учёбы (благо, что он от природы был смышлёным), чтобы в будущем стать человеком, которым могли бы гордиться родители, другие родственники, а в конечном счёте – весь абхазский народ... и даже больше.

Большое воспитательное воздействие на героя повести в детстве (ещё до поступления в школу) оказали две книги, которые он, научившись рано читать, постоянно перечитывал, так как они удовлетворяли его актуализирующиеся потребности: «Гадкий утёнок» (эта сказка служила материалом для подражания: как из «гадкого» превратиться в «привлекательного») и «Рассказы о мировой войне», материалы которой побуждали играть мальчика в победную войну (больше на уровне воображения).

Литература

1. *Искандер Ф. А.* Школьный вальс, или Энергия стыда // Кролики и удавы: Проза последних лет / [вступ. ст. Н. Ивановой]. – Москва : Книжная палата, 1988.
2. *Симонов П. В.* Мотивированный мозг: Высшая нервная деятельность и естественнонаучные основы общей психологии / отв. ред. В. С. Русинов; АН СССР, Секция хим.- технол. и биол. наук. – Москва : Наука, 1987. – 266, [3] с. ил.
3. *Царгуш Ш. К.* Развитие абхазской народной педагогики: дис. на соискание учёной степени доктора педагогических наук. – Сухум, 2008.